

УДК 930.1

Исмаилова З.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПЕРВАЯ КНИГА М.В. НЕЧКИНОЙ: ЕЕ НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Первый научный труд М.В. Нечкиной – «Русская история в освещении экономического материализма» - издан в Казани в 1922 г. С тех пор прошло почти столетие, но за это время он так и не стал объектом историографического изучения. Причина этого – сложная судьба книги, которая сразу после выхода в свет стала объектом сокрушительной критики, и с тех пор была вычеркнута из отечественного исторического наследия на долгие семь десятилетий. Объектом критики стал вывод М.В. Нечкиной о неприменимости классового метода к изучению явлений духовной (культурной) жизни. Этот вывод был выношен Нечкиной в ходе самостоятельного многотрудного исследования и отражал противоречие между примитивным узкоклассовым подходом к истории и сложным характером явлений духовного порядка. Нечкина продолжила традиции историографического изучения, заложенные в конце XIX в. П.Н. Милюковым, и в то же время смогла дать объективную оценку новому направлению в отечественной исторической науке – историческому материализму. В статье анализируются условия создания первой книги Нечкиной, ход ее написания, источники и метод исследования, ее место и значение в научной литературе начала 1920-х гг., а также реакция критиков и причины их резких оценок.

Ключевые слова: первый научный труд, русская история, экономический материализм, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, Н.Н. Фирсов, историографический метод, критика, классовый метод.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-60-72

В марте 1922 г. профессор Н.Н. Фирсов, встретив М.В. Нечкину на улицах Казани, обратился к своей ученице со словами: «Великое событие в жизни – первый печатный труд. Я помню эту Вашу работу: она очень интересна, очень интересна...» [1, с. 136]. Фирсов говорил о рукописи, т.к. работа Нечкиной вышла в свет только в ноябре 1922 г. Что же представлял собой первый научный труд Нечкиной, когда и как он был создан?

В 1920 г., обучаясь на третьем курсе Казанского университета, Нечкина написала конкурсное сочинение на тему «Приложение теории экономического материализма к изучению русской истории в трудах русских ученых». Тему для изучения Нечкиной дал Совет историко-филологического факультета, но замысел работы возник у нее еще в 1919 г., сформулировать его в ясной форме ей помог профессор П.Г. Архангельский, читавший курс русской историографии. В середине года Нечкина «думает о конкурсной теме», в конце года – задумывает написание работы, посвященной М.Н. Покровскому, Н.А. Рожкову и другим русским историкам, чей подход к истории определял экономический материализм [1, с. 154].

Необходимо отметить, что тема сочинения была выбрана Нечкиной не только под влиянием знакомства с учением экономического материализма. В конце 1919 – начале 1920 г.

она обдумывает вопрос о методе исторического исследования. Тот метод, который «предподают» ей на лекциях и семинарах в университетских аудиториях, не устраивает начинающую исследовательницу. Он «дает возможность» для одновременного существования разных точек зрения, не выявляя, таким образом, научной истины. «Вся трагедия нашей науки состоит в том, - пишет Нечкина в дневнике 6 ноября 1919 г., - что в ней масса противоположных мнений кажется одинаково возможной. В ней есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное». Нечкина ищет другой научный метод. Она убеждена, что старые методы «не доведут до истины». «Прямо тоска по методу поднимается в душе», - сокрушается исследовательница. «Во имя утверждения» новых методических приемов, суть которых Нечкина осознает еще слабо, «очень смутно», она приступила в январе 1920 г. к созданию своего первого научного труда [1, с. 103].

Работа началась стихийно, без определенного плана – студентка читала те научные произведения, которые смогла достать. Первой книгой, которую она прочла, была «История культуры» Липперта. «Выбрала именно его, а не другого, - поясняла Нечкина, - т.к. он имелся под рукой» [2, л. 30]. Впечатление от прочитанного исследовательница записала в тетрадь, озаглавленную «Мысли о книгах». В

ней читаем: «Книга Липперта – огромная куча очень мелких фактов, не приведенных в систему. Она не дает объяснения фактам и не дает общей картины развития». Читая Липперта, «я убедилась в неизбежности основывать все данные о формах обществ на экономическом базисе, чего Липперт не делает и что приводит все его сведения в несистематизированную грудку фактов». Рассуждение увенчивает всё та же дума о методе: «Невольно рождается вопрос, неужели человек мог быть удовлетворен после написания такой книги? Неужели Липперт, написав последнее слово и положив перо, не почувствовал страшной тоски по методу, тоски оттого, что накопленные им факты не приведены во внутреннюю систему?» [2, л. 31об-32, 32об.]. В дальнейшем, в мае 1920 г., Нечкина составила «карточный каталог нужных для сочинения книг и статей». По словам исследовательницы, это была «огромная утомительная работа». Затем Нечкина приступила к изучению выявленных трудов. Она читала работы русских историков-позитивистов – статью М.М. Ковалевского «О происхождении семьи, частной собственности, рода» и «Критику экономического материализма» Н.И. Кареева. «Ковалевский дал очень много», – заметила Нечкина в тетради «Мысли». – «Ковалевский обладает огромными, поразительными знаниями: он, как у себя дома, и в области этнологии и в области права, и в языке и в истории. Затем он во многих местах проводит идею роста населения – биологического фактора. Прежде я об этом лишь слышала. Ковалевский не стоит всецело на точке зрения экономического материализма». Он «признает два фактора – экономический и религиозный». [2, л. 34, 36об., 37].

Большое впечатление произвели на Нечкину работы М. Туган-Барановского. Его книгу «Основы политической экономии» она «прочла очень внимательно, всю и проконспектировала». «Не только основы, скелет, – подчеркнула исследовательница, – а вся главная масса знаний дана Туган-Барановским. Его книга – удивительна по своей глубине и кристальной ясности, я прямо устала ею восхищаться. Все ее содержимое очень легко, ясно и отчетливо улеглось в моей голове» [2, л. 42, 42об.].

Сочинение К. Маркса «К критике политической экономии» Нечкина только «слегка

просмотрела», но внимательно «прочла вводную главу». Его же «Нищету философии» – «просмотрела, отметила нужные места, выписала их». «Анти-Дюринг» Энгельса «бегло прочла, отбрасывая полемику с Дюрингом и выцеживая всё, относящееся к построению самой теории». Все остальные произведения Маркса и Энгельса Нечкина «невнимательно просмотрела» [2, л. 42, 44об.-45]. «В ходе моей работы, – резюмирует исследовательница, – в сущности, огромную роль сыграл тот факт, что теория экономического материализма не имеет своего основного труда, своего Евангелия, от изучения которого было бы легко и удобно начинать знакомство с теорией. Меня прямо подавила огромная масса произведений по экономическому материализму, часто полемических и мало дающих. По той причине, что, приступая к чтению, я не знала содержания находящихся предо мною книг, я была лишена возможности выбрать из них главные и наметить план хода работы». Поэтому, «я потратила гораздо больше времени, чем нужно было для моей цели, запутавшись в массе книг». В сущности, «можно было ограничиться предисловием к "Критике политической экономии", "Анти-Дюрингом", "Нищетой философии", Туган-Барановским и Лабриолой» [2, л. 44, 45об., 46].

Следующий этап работы включил «изучение русской историографии с Карамзина до историков-материалистов». Нечкина поясняет: «Как принцип, стояло знакомство с подлинником» и, «если можно, с первым изданием, которое читали современники – к этому я стремилась всё время». [2, л. 51-51об.]. Исследовательница обратилась к обобщающим трудам по русской истории и сделала обзор русской историографии, читая Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, Н.А. Полевого, А.П. Щапова, М.О. Кояловича, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Историографические исследования произвели на Нечкину большое впечатление и позволили прийти ей к ценным наблюдениям. В тетради «Мысли» она записала их: материалистическое понимание истории характерно уже для Соловьева – он «признает целый ряд факторов – как материальных (географический, экономический), так и идеологических (религиозный, напр.). Особенно ярок, даже болезнен этот перелом на Щапове, мучительно ищущий

щем прочных "материальных" основ для исторических утверждений... Окончательно определяется переход от идей к материальным факторам на Ключевском, вполне сознательно и с огромным талантом выделяющем значение экономического фактора. Почва для экономического материализма вполне готова».

Другое наблюдение – «Русская историческая мысль тесно связана с западноевропейской, и многие "переломы" ее, очаровавшие меня, суть простые и бледные отражения Запада. Особенно поразили меня "переломные" историки – Татищев и Погодин с Каченовским» [2, л. 53об., 54]. Этот вывод не был новым – он только подтверждал выводы П.Н. Милюкова и др. историографов [3, с. 4].

В мае 1920 г., завершив, в основном, изучение трудов историков и экономистов, Нечкина приступила к написанию своего сочинения. 19 мая она пометила в дневнике: «Всё время писала сочинение... написала 4 страницы», 20 мая: «Очень много писала, написала 28 страниц», 21 мая: «Писала сочинение... написала 21 страницу» и т.д. 23 мая Нечкина «очень много, прямо без остановки работала» и «написала 19 страниц сочинения». Вечером то же дня произошел «резкий перелом настроения» исследовательницы: «вижу, что тема необъятна, - замечает она в дневнике, - всего 25 историков-материалистов, известных мне... написавших в общей сложности до 40000 страниц. Если на каждые 50 страниц класть два вечера, то работа потребует больше 5 лет». Нечкина испытывает колебания – «бросить всё»? Или же ограничить тему «одним Покровским и Рожковым» - наиболее видными представителями экономического материализма в русской исторической науке? Научный руководитель Нечкиной П.Г. Архангельский советует ей продолжать работу и не ограничивать тему «одним Рожковым и Покровским», как того хотела исследовательница. Понимая, что бросить труд, которым она «жила целый год» и для которого уже «много сделано», нелепо, Нечкина после трехдневных колебаний постепенно возвращается к своей работе. Ее раздумья во время трехдневного перерыва не прошли бесследно: план сочинения «резко изменился». Нечкина «решила отказаться от детального разбора каждого автора».

«Я перехожу от одной книги к другой,

беру справку... Я устала. Я устала буквально до полусмерти», - признается Нечкина. Она трудится до 10 часов вечера, иногда – за полночь и даже ночью. В ее руках одна книга сменяет другую: «Надо скорее кончать Покровского. Дальше – Плеханов, еще несколько работ других историков...». Неутомимый труд приближает работу к завершению. В конце мая исследовательница пишет «подробный план введения» к сочинению. В июне она обдумывала «план всего сочинения». 20 июня план был написан «удивительно быстро и легко. Прямо в восторг пришла от его изящной простоты», - отметила Нечкина в дневнике.

В августе работа вступила в финальный этап. Нечкина пишет последнюю, 5-ю главу сочинения, посвященную вкладу последователей экономического материализма в историческую науку. 8 августа она выполнила «очень кропотливую работу», составив «подробное оглавление» к своему труду. 9 августа было написано предисловие. 20 августа сочинение было перечитано автором «в первый и последний раз, чтобы поставить "последние запятые" и извлечь тезисы». Однако с 21 августа по 5 сентября сочинение еще писалось, Нечкина продолжала его «читать, формулировать тезисы, записывать мысли». 5 сентября труд начинающего историка был завершен. «Это случилось в 7 ч. вечера». Оценивая свою работу, Нечкина пометила в дневнике: «Просмотрела весь деловой дневник, чтобы составить общее впечатление о ходе моей работы. Прямо поражена просто сумасшедшей напряженностью занятий без всякого отдыха в течение этого года. Не удивительно, что переутомилась» [1, с. 155-177].

Объем труда составил 644 рукописные страницы. Его название варьировалось. Вместо длинного и трудного: «Приложение теории экономического материализма к изучению русской истории в трудах русских ученых» автором было предложено и другое, более краткое и ясное - «Школа экономического материализма в русской историографии». Окончательный вариант звучал так: «Русская история в освещении экономического материализма». 15 сентября сочинение было доставлено на факультет. В следующем 1921 г., 19 февраля Совет университета вотировал Нечкиной «почетный отзыв за сочинение». В те годы это была

«единственная степень ученого признания, т.к. медалей нет» [1, с. 117, 189].

Работая над своим первым научным произведением, Нечкина проделала значительную эволюцию в своем мировоззрении как историка. «Для меня открылся в истории целый мир после знакомства с экономическим материализмом, - писала она в дневнике 1 июля 1920 г., в самый разгар работы. - Я как будто прозрела. Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность». Исследовательница призналась, что «все подводит под экономический материализм», «на все смотрит с точки зрения экономического материализма» [3, с. 128].

В октябре 1921 г. Нечкина задумала издать свой труд – такую рекомендацию ей дал Совет факультета. Исследовательница планировала внести в сочинение «много переделок», но сделать этого ей не удалось [1, с. 130]. При содействии студенческой Ассоциации общественных наук Нечкина издала в 1922 г. свое первое монографическое исследование «Русская история в освещении экономического материализма».

В предисловии к книге Нечкина отметила: «Настоящая работа является первой попыткой автора испробовать свои силы в области самостоятельного научного исследования» [5, с. I, 9-10]. В первой главе автор стремится составить представление об общем ходе развития науки русской истории и отмечает неразработанность русской историографии. «Изучающий русскую историографию, - пишет Нечкина, - в особенности русскую историографию XIX в., - оставлен наедине с самими работами русских историков и предоставлен самому себе»: обобщающих историографических трудов нет, а те, что есть, неполны или тенденциозны. При этом Нечкина высоко оценила труд П.Н. Милюкова – «Главные течения русской исторической мысли». Она назвала его «прекрасной работой», отметила «очень тонкий и точный анализ» историографических влияний Щербатова и Щлецера на Карамзина и «поистине замечательное» мастерство автора в «психологической обрисовке деятелей русского шеллингизма» [5, с. 10, 23-24].

Нечкина наметила собственную программу историографического изучения. В

этой программе ряд пунктов: изложение биографии автора; изучение его как философа истории и как историка; выяснение «расхождений теоретических взглядов историка и его исторических исследований»; установление главных трудов и метода историка, его отношения к предшественникам. В этой программе многое было заимствовано у предыдущих авторов, в особенности у П.Н. Милюкова, но один пункт – о несовпадении теоретических взглядов ученого с практикой его исследования – был новым словом в историографической науке.

Изучая труды разных авторов, Нечкина подметила «факт первостепенной важности: у многих и многих историков теория одно, а практика исторического исследования – другое». Исследовательница убеждена, что «нельзя особенно поддаваться уверениям авторов ни насчет их взгляда на причинную связь событий, ни насчет их мнения о цели исторического изучения и т.д. Сказать – они многое скажут, но это еще не значит, что они проведут это в своих трудах». Нечкина подтверждает свою мысль примером. «Ниже мы увидим, - пишет она, - что если какой-нибудь историк заявляет себя последователем хотя бы теории экономического материализма, то это еще не значит, что ему удастся целиком приложить эту теорию к своему историческому исследованию; мы встретим зачастую резкие отступления от этой теории или тесную зависимость исследования от противоположной теории» [5, с. 13].

Выясняя вопрос о методе историка, Нечкина устанавливает его «отношение к источникам: не привлек ли он каких-нибудь новых источников? На какие стороны сообщений источников он обращает более внимания? Нет ли в его отношении тенденциозности, не закрывает ли он глаза на факты, противоречащие его схеме? В какой мере он критичен, изучая источник?». Так была разработана теоретическая часть исследования.

В третьей и четвертой главах сочинения исследуется сам процесс «приложения теории экономического материализма к русской истории», растянувшийся почти на четверть века – с конца XIX в. по конец второго десятилетия века XX. Проводя «общий обзор русской истории с точки зрения экономического материализма», наиболее подробно Нечкина

остановилась на трудах М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова. Изучая работы последнего «Город и деревня в русской истории» и «Обзор русской истории с социологической точки зрения», она отметила «монизм» Рожкова и его приверженность философско-историческим рассуждениям. Нечкина указала на несоответствие представлений и методов Рожкова. Признавая, что действие экономического фактора на духовную жизнь общества является не прямым, а опосредованным, он в конкретном исследовании поступает по-другому. «Часто грубое сопоставление двух хронологически одновременных явлений – одного из области экономической, другого – психологической, со стилистической связкой "поэтому", "в зависимости от этого" – служит у Рожкова доказательством происхождения психических явлений из экономических». Исследовательница считала такой метод «грубым», вульгаризаторским.

Нечкина осветила зависимость исследований Рожкова от государственно-юридической школы: «Очень часто Рожков, сам того не замечая, приближается в своем исследовании к юридической школе, ярким противником которой он является. Теоретическое понимание роли государства, сводящегося лишь к выражению экономических отношений, не укладывается в историческое исследование. В Московской Руси Рожков, сам того не замечая, рисует государство какой-то новой самодовлеющей силой, многое меняющей по своему произволу». Вывод: «Рожков находится под сильным влиянием выводов юридической школы» [5, с. 83, 92-94, 129-133].

Четвертый раздел предпоследней главы посвящен работам, являющимся «приложением теории экономического материализма к изучению психологического процесса русской истории», по другому – явлений духовной жизни. Исследуя работы Ю.М. Стеклова и К.Н. Левина о Герцене, Нечкина решила на критику их классового подхода. Стеков и Левин исследуют личность Герцена в свете классовой теории. Основное отличие этой теории от обычного историко-литературного метода заключается в «требовании изучать каждую личность, как представительницу класса, каждую психологию рассматривать как классовую». Такой метод, по мнению исследовательницы, не всегда результативен.

Личность может и «не отразить черты классовой психологии». «Большое значение в развитии личности имеют ее ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ». Психология личности – явление очень сложное и не поддается изучению известными методами. В общем, связь между экономикой эпохи и психологией отдельной личности – не исследована представителями экономического материализма. Их попытки установить эту связь являются неудачными, поражают своей грубостью, механичностью. В итоге Нечкина пришла к выводу, что экономический материализм дал значительные результаты в изучении истории народного хозяйства, социальной структуры и политических форм, но в области изучения духовной жизни – дал «незначительные и скорее отрицательные результаты» [5, с. 143-144]. В этом выводе заключалось идейное зерно, подрывающее классовые и узко-материалистические представления последователей экономического материализма. Нечкина предупреждала их: нельзя с помощью классового метода изучать психологию личности, этот метод очень несовершенен, груб для этого, отрицательные итоги его применения уже налицо.

В чем же, по мнению Нечкиной, состояло несовершенство классового метода? В исследовании нет ответа на этот вопрос, но он проясняется записью Нечкиной в тетради «Мысли». 27 января 1920 г., т.е. в самом начале работы, она писала под впечатлением знакомства с «Историей народного хозяйства» П.П. Маслова: «Бросилась в глаза некоторая грубость экономических объяснений явлениям, упускающих массу факторов, – например объяснение крестовых походов, данное Масловым. Неужели можно считать, что крестовые походы вызваны жадностью феодалов к предметам восточной роскоши. Ясно, что это – прямо топорное объяснение» [2, л. 41-41об.]. Таким образом, Нечкина осознала, что экономическое объяснение не всегда достаточно и приемлемо для многих исторических явлений. Чутьем историка она вплотную подошла к признанию многофакторности исторического процесса, что автоматически подрывало главную идею экономического материализма.

В пятой главе Нечкина кратко проследила развитие русской исторической мысли

на протяжении всего XIX в. – от Карамзина до Ключевского и пришла к выводу: материалистическое понимание истории было свойственно таким русским историкам как А.П. Щапов, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. Она отметила социологический подход к истории в трудах Соловьева. Но «особенно ярко признание материальных факторов у Ключевского». [5, с. 156-164]. «Экономический материализм, - делает вывод Нечкина, - не является случайным и наносным явлением в русской историографии. Почва для него не только была подготовлена ранее, но и многие его положения уже были высказаны и обоснованы прежними историками. В процессе изучения русской истории экономический материализм явился необходимым течением, вызванным предыдущим состоянием науки» [5, с. 172-174, 176].

Мысль о преемственности развития научно-исторического знания, высказанная Нечкиной, не являлась новой в русской историографии – ее вполне убедительно доказал П.Н. Милюков [4, с. 117-118, 277]. Но Нечкина выяснила зависимость одного историка от другого не только в идейно-теоретическом, но и в методологическом плане. Милюковская филиация идей была дополнена филиацией метода. Это было шагом вперед в историографической науке.

Таким образом, труд начинающего историка-исследователя можно охарактеризовать как научное сочинение, построенное по проблемному принципу и охватывающее обширный круг литературы. Впечатляет глубина и тонкость историографического анализа, его тщательность и скрупулезность. Разбирая труды историков Покровского, Рожкова, Плеханова и др., Нечкина высказала глубокие, выношенные в процессе самостоятельного исследования, мысли – о преемственности развития научно-исторического знания, о зависимости нового научного направления от предыдущего, о необходимости различать теоретические представления историка от его методологии, о неприменимости классового метода к изучению явлений духовной жизни, о свободе научного труда: «каждый автор вправе придерживаться любой философией истории». Она исследовала сложный процесс становления нового учения

в русской исторической науке и с неотразимой силой обосновала неизбежность его появления. Эти выводы и наблюдения являются самыми ценными в работе Нечкиной. Они говорят нам о ее высоком научно-исследовательском уровне, о самостоятельности, независимости мышления автора.

В 1922 г. «Русская история...» Нечкиной была издана, а в следующем 1923 г. на нее появились четыре рецензии. Их авторами были казанский ученый-марксист В.Т. Дитякин, литературовед Г.Ф. Линсцер, историки В.И. Невский и Н.Н. Фирсов.

Рецензия В.Т. Дитякина появилась на страницах «Казанского библиофила». Это был местный журнал, созданный казанскими знатоками и любителями книжных редкостей. Он издавался в 1921-1923 гг., всего вышло четыре номера. В последнем из них и была напечатана рецензия на труд Нечкиной. Ее автор - Дитякин был известен как автор труда «Творческий облик Карла Маркса», он был «глашатаем» и «столпом» марксизма в Казани и... первым возлюбленным Милицы. О чем же писал Дитякин? Само название его рецензии было уже дерзким вызовом - «Пустая ученость». Дитякин обвинил Нечкину в игнорировании трудов классиков марксизма. «Где "Капитал", - спрашивал, вернее, гремел Дитякин, - неисчерпаемый кладезь материала для обоснования теории исторического материализма, где десятки статей Энгельса... где громадный материал переписки Маркса и Энгельса? "В сущности, нет ни одной книги об экономическом материализме, которая бы занималась единственно выяснением основ этой теории, а не критикой ее", - с авторитетом автора 3-х копеечных анти-марксистских брошюр заявляет Нечкина». В этом, едко замечал рецензент, - видна «поразительная безграмотность и убожество мысли» и «полное невежество автора».

На самом деле Дитякин искажил мысль Нечкиной. Она писала о том, что нет такой книги, в которой были бы изложены теоретические основы марксизма. Такой книги действительно не было. Об этом вслед за Нечкиной сказал также Н.И. Кареев. В «Основах русской социологии» он писал: «Основная идея экономического материализма была высказана слишком коротко, без обосновываю-

щих аргументов и детального развития... Известно, что в самой Германии долгое время не появлялось ни одной работы, в которой эта идея получила бы теоретическое обоснование и разработку» [6, с. 188]. Таким образом, упрек Дитякина являлся необоснованным.

Дитякин обрушился с резкой критикой на понимание Нечкиной теории экономического материализма. Нечкина писала: «Критерием изложения теории будет логика самой теории, а не то, что об этой теории когда-либо утверждали Маркс или Энгельс. Их утверждения мы будем все время привлекать, если они будут соответствовать логическим требованиям самой теории». Такой подход недопустим для Дитякина – разве можно сомневаться в истинности положений классиков марксизма? Это «вульгаризация и опошление» теории. «О, бедные великие основоположники марксизма, - зло иронизирует Дитякин, - мирно почивали вы в гробах до 1922 г., когда появился ученый-мракобес, начавший примерять вас к созданной вами же теории!». «Ученый-мракобес» - это Нечкина. «Поразительна эта наглая развязность, - продолжает рецензент, - малограмотного, нахватавшегося (вернее понюхавшего) – "отдельных мест" откуда-то, "1 ½ страницы" отсюда и т.д. и "процедившего" самого Энгельса». «Самого!» – в этом вся сущность злой и нелепой критики Дитякина.

Свирепо критикует Дитякин самый ценный, но и самый уязвимый вывод Нечкиной – о сложности явлений духовной жизни и невозможности их изучения с помощью методов экономического материализма. Этот вывод больше всего задел Дитякина. Об этом красноречиво сказал он сам: Нечкина «поразила марксизм в самое сердце». Именно – в самое сердце. *Только начинающая* исследовательница поставила под сомнение универсальность классового метода, а значит и непреложность всего учения марксизма в целом. Это был настоящий криминал, «типичное невежество и нахальство», по мнению Дитякина. Именно этот вывод стал роковым в судьбе всего сочинения казанской исследовательницы.

Вырывая цитаты и слова из контекста, Дитякин не критикует – он громит и разносит в щепы произведение Нечкиной. Но этот погром – только честь автору. В конечном счете, Дитякин наносит удары не Нечкиной – а тем

ученым, с которыми она согласна, а он – не согласен. Нечкина справедливо считала итальянских ученых А. Лабриолу и Э. Ферри теоретиками марксизма. «С каких это пор, - гремит Дитякин, - начали считать Ферри... теоретиком ортодоксального марксизма. Рядом с Ферри в ряды ортодоксов попал Эд. Бернштейн, который подметил результаты "эволюции" марксизма – высосанной из пальца и Бернштейном, и автором книги. Бернштейн – изменник марксизму в роли ортодокса – действительно остается выкрикнуть – "неисповедимы пути твои, о авторе искусный"».

Злая ирония Дитякина проявляет себя все резче: «"Труд" заканчивается ("как у взрослых") тезисами, с которых собственно говоря и следовало бы начинать читать книгу, памятуя, что для того, чтобы узнать отвратительное вино, нет надобности выпивать его целую бочку». Увенчивалась рецензия резким и оскорбительным заключением: «Опошлив и вульгаризовав теорию исторического материализма, автор создал свою теорию. Непонимание и нежелание понять настоящую теорию плюс почти полная безграмотность в литературе по теории марксизма, укрепило эту "Нечкинскую" теорию». Напоследок Дитякин бросил очень опасное обвинение в адрес Нечкиной: «Истинная физиономия» ее книги - это «попытка покушения на марксизм *в* негодными средствами», этот поход особенно резко выявляется в анализе марксистских работ по истории идеологии» (т.е. по истории духовной жизни). Исследование Нечкиной – «в корне гнилое», а сама она – «самодовольный болтун». Издание книги, по мнению рецензента, – это «разбазаривание государственного достояния на воздух (пустоту) – 1500 экз. по 213 страниц!». Нечкина «извратила» марксизм, она – неуч. Она «расписалась в незнании элементарных правил марксистского метода, да и не его одного, а вообще всякого научного метода» - таков вывод Дитякина [7, с. 179-183].

Милица Васильевна тяжело пережила неблагоприятный поступок своего бывшего возлюбленного. Ошеломленная, напоенная горьким опытом, она предпочла обо всем забыть на какое-то время. Только в 1925 г., находясь на отдыхе в Крыму, Нечкина вернулась к этому сюжету в своей биографии. Вспоминая крайне сложные обстоятельства

1922-1923 гг. она писала в дневнике: «У меня умер отец, революция отняла от семьи брата, тяжело хворали близкие, дорогие мне люди, была при смерти я сама» и в это время «первую мою книгу первый любимый мною человек встретил в печати градом недопустимых издевательств...» [8, с. 103]. Самое горькое в этой ситуации было то, что все это время – от написания книги до ее издания – Дитякин находился рядом с Нечкиной, часто общался с ней с глазу на глаз, встречался на ученых собраниях, одалживал научную литературу, сотрудничал в деле подготовки сборника статей в честь проф. Фирсова...

Развязный и возмутительный тон критики Дитякина вызвал решительный протест в ученой среде Казани. Его выразителем стал редактор «Казанского библиофила», ученый-литературовед Г.Ф. Линсцер. Он «просмотрел в редакционном порядке критику Дитякина на книжку Нечкиной» и был возмущен ее тоном. Линсцер решил, что «не поместит целиком» рецензию Дитякина или напишет ему сейчас же ответ. 14 февраля он сказал об этом Нечкиной [1, с. 249]. И сдержал свое слово. Ответ Линсцера был напечатан в том же номере «Казанского библиофила», в котором была рецензия Дитякина, сразу вслед за ней. Книга Нечкиной, отметил Линсцер, «в некоторых отношениях слабая, но работа, сделанная автором, большая и кропотливая». Критиковать книгу нужно, но не так, как это сделал Дитякин. Его критика излишне суровая, так нельзя критиковать начинающих исследователей, которые хотят освоить марксизм. Этим можно только отбить у них всякое желание работать. Кроме того, рецензия Дитякина пристрастна, это даже не критика, а «критическая расправа».

Линсцер отбил у Дитякина некоторые важные положения Нечкиной. Он признал верным ее вывод о развитии марксистской теории от «более грубого понимания к более тонкому и сложному» (неудачно, по мнению Линсцера, только выражение – «грубое понимание»). Также верным, по мнению рецензента, является наблюдение Нечкиной об эскизном характере «Русской истории» Покровского. Линсцер разоблачил недобросовестность критики Дитякина: «Разве допустимо так выхватывать фразы?». Таким образом, Линсцер выступил в защиту научной

этики и объективности, он дал отпор дерзким, бессмысленно жестоким, а главное не всегда объективным и обоснованным нападениям Дитякина на труд молодой исследовательницы.

Но существование критики Дитякина Линсцер признал верным. «Главная цель моей заметки, - писал он, - была остановиться на тоне, манере, "обращении", которые так характерны для Дитякинской статьи и так нецелесообразны с моей точки зрения. Что касается существа критики, то в этом отношении профессору Дитякину и книги в руки. Со многими его поправками можно и должно согласиться». Дитякин «вскрывает ряд серьезных недочетов в работе Нечкиной», главным из которых, по мнению Линсцера, является отрицание классового метода в исследовании духовных явлений. Причины этих явлений «в конечном счете, коренятся в экономике», - указал Линсцер, и поэтому вывод Нечкиной неверен. Нечкина заблуждается, по мнению рецензента, но «заблуждается невольно» [9, с. 183-190].

Третьим рецензентом книги Нечкиной выступил известный историк и политический деятель В.И. Невский. Он был убежденным марксистом и членом партии, имевшим за собой большой опыт революционной борьбы. Его отзыв был особенно важен для Нечкиной – это не Дитякин и не Линсцер, известные только в местном кругу казанских интеллектуалов. Невский – это центральная фигура в среде ученых-марксистов. Но и его отзыв был резко критическим. «Нельзя сказать, - открыл рецензию Невский, - чтобы результаты труда М.В. Нечкиной были удовлетворительны, и это прежде всего потому, что, взявшись за рассмотрение вопроса о применении метода исторического материализма в истории, М.В. Нечкина обнаруживает незнакомство с этим самым методом и искажает основные положения метода Маркса». Искажает – очень серьезное обвинение из уст маститого ученого, к тому же – марксиста. Невский – вслед за Дитякиным и Линсцером – критикует вывод Нечкиной о непригодности марксистского метода к изучению явлений духовной жизни: «По-видимому, М.В. Нечкиной незнакомы капитальные сочинения ни Маркса, ни Энгельса, ни его учеников, ни в особенности Плеханова, в которых так блестяще и талант-

лива эта связь "духовных фактов" с социальными установлена» [10, с. 181-182].

Четвертая рецензия выбивалась из общего тона осуждения книги Нечкиной. Ее автор – Н.Н. Фирсов. Профессор Казанского университета, он был учителем Нечкиной. Фирсов отметил о работе своей ученицы: «Этот труд спешит подвести итоги, к которым пришла научная мысль в специальной области русской историографии. Теория экономического материализма была приложена к объяснению русского исторического процесса: это и было новым словом в русской историографии». По мнению рецензента, «слаба теоретическая часть в работе», ибо автор «берет материал из вторых рук, и в сочинении, которое претендует на выяснение отражения марксизма в русской историографии, не ссылается на работы самого Маркса. Фирсов не прав в том, что Нечкина не ссылается на работы Маркса – во второй главе исследования она как раз ссылается на его «Ниццету философии» и «К критике политической экономии». Оценивая труд в целом, рецензент указал на «обстоятельность в изложении исторических суждений авторов». Особенно «ярко выяснены основные недостатки Рожкова и достоинства работ Покровского». В работе «немало правильных и даже метких замечаний». Но и Фирсов нашел недостатки в труде Нечкиной. По его мнению, Нечкина «пассивно во многих случаях передает совсем рискованные и прямо ошибочные утверждения Рожкова» [11, с. 68-69].

Итак, первое научное сочинение Нечкиной, изданное в 1922 г., в следующем 1923 г. было очень резко и в целом неодобрительно встречено рецензентами. Трое из них – Дитякин, Линцер и Невский критиковали Нечкину за «искажение марксизма». Они отвергли самый ценный ее вывод – о неприменимости классового метода при изучении явлений духовной жизни. За свою смелую и глубокую мысль Нечкина была предана ученому ostracismu, под вопрос была поставлена ее дальнейшая ученая судьба. Это понимала не только Нечкина, прежде всего, это понимали сами рецензенты. Так, рецензия Дитякина, по мнению Линцера, – это повод для Нечкиной «поразмыслить над дальнейшей своей ученой судьбой» [9, с. 184]. Кажется, что точка в этой судьбе – решенное

дело. В силу этого стоит только удивиться беспримерному мужеству и стойкости Нечкиной – после таких событий она несколько не «задумалась над дальнейшей своей ученой судьбой», а продолжила научную работу, написала сочинение о Ключевском, а переехав в 1924 г. в Москву, начала разрабатывать тему декабризма. Чугунный груз сокрушительной критики не сломил ее волю к творчеству.

Но критика взяла своё: Нечкина вынужденно изменила свои представления о классовом методе. В 1925 г. в семинаре Покровского в Институте Красной профессуры она выступила с докладом о Ключевском, в котором оценила творчество историка как выражение «идеологии промышленной буржуазии», а его политические представления о правовом государстве назвала «классово-продуманной теорией конституционно-демократической партии» [12, л. 4, 5]. Таким образом, Нечкина не только признала применимость классового метода к изучению явлений духовной жизни, но и сама применила этот метод в изучении Ключевского и его научного творчества – явления сугубо духовного порядка. Это был путь в никуда – узкоклассовый подход только искажал представление о прошлом.

История с первым научным трудом Нечкиной на этом не закончилась. До сих пор в его оценке звучали голоса только ученых-марксистов (за исключением Фирсова). Предоставим же слово и «старым профессорам». «Русская история...» Нечкиной была высоко оценена С.Ф. Платоновым. Через профессора Петербургского университета А.И. Никифорова он передал молодой исследовательнице «благодарность. С работой я ознакомился, - говорил Платонов. - Она отдает дань современному направлению. Со многим в ней не соглашусь, но работа недурная. Это не то, что работы здешнего Воскресенского, да даже и Покровского. Она (М. Нечкина – авт.) свое место займет в историографии. Она нулем не будет». Высокий научный уровень исследования даже привел Платонова в замешательство: он не смог сразу определить примерный возраст его автора: «Она что в возрасте?» - спросил он у Никифорова, имея в виду Нечкину, на что последовал ответ: «Совсем молоденькая, работу

еще начинает» [13, с. 118]. Исследованием заинтересовался и столичный историк В.П. Волгин. Через Фирсова он в апреле 1923 г. просил Нечкину прислать ему изданную книгу [3, № 2, с. 131].

Прошло время. В конце 1920-х гг., когда шла подготовка к 60-летнему юбилею Покровского, на первых страницах ведущего теоретического журнала историков в 1928 г. появилась статья А.В. Шестакова «М.Н. Покровский – историк-марксист». Шестаков вспомнил о первой опубликованной работе Нечкиной и обвинил ее автора в вульгаризации марксизма. Нечкина, по мнению Шестакова, дала в своем труде «чрезвычайно слабую и неверную характеристику Покровского как историка» [14, с. 5, 12]. В том же году на страницах того же журнала с критикой на «Русскую историю...» Нечкиной обрушился и историк Н. Степанов, который обвинил Нечкину в игнорировании теории классовой борьбы. Причем Степанов ошибочно датировал труд Нечкиной 1923 г., тогда как он был издан в 1922 г. [15, с. 183]. Третьим критиком Нечкиной выступила Е. Кривошеина, которая на страницах «Комсомольской правды» в статье о Покровском (октябрь того же 1928 г.) назвала Нечкину «историком-немарксистом» [16, с. 2].

Время было тревожное, и подобные обвинения, брошенные в один голос тремя критиками в короткий период осени 1928 г., могли стоить Нечкиной научной карьеры. Поэтому она в октябре 1928 г. написала письмо в редакцию «Историка-марксиста», в котором признала в своем первом научном труде «наличие многочисленных ошибок» [17, с. 109]. Письмо было прочтено и отредактировано Покровским, который внес в него незначительные стилистические поправки. Самым существенным из поправок Покровского было замечание, вставленное им в письмо Нечкиной и объясняющее признаваемые ею ошибки: причиной их была «марксистская неподготовленность автора» [18, с. 278]. Письмо было напечатано в 11 номере журнала за 1929 г. Таким образом, Нечкина вынужденно отреклась от своей студенческой работы. Так эпоха отразилась на судьбе первого научного труда исследовательницы, вычеркнув его из отечественного научно-исторического наследия на долгие годы, предав

более чем полувековому забвению.

В конце 1930-х гг. Н.Л. Рубинштейн писал свою «Русскую историографию». В специальных ее главах, посвященных Эверсу и Ключевскому, он упомянул об историографических работах Нечкиной об Эверсе и Ключевском, изданных в 1927 и 1930 гг. в историографическом сборнике под редакцией Покровского. Однако, в общем обзоре русской историографической литературы во вводной части исследования Рубинштейн ни словом ни обмолвился об обобщающем труде Нечкиной, посвященном направлению исторического материализма в русской историографии. В 1941 г. состоялась докторская защита Рубинштейна. На ней присутствовала и выступила Нечкина, вступившись за автора в вопросе о скептической школе. Однако, она также промолчала о своем вкладе в изучение русской историографии, даже не упомянув о своей «Русской истории...» [19, с. XXXVII, 15-16, 253, 504].

Ситуация не изменилась даже в годы хрущевской оттепели. В 1961 г. с резкой критикой на «Русскую историю...» Нечкиной обрушился историк, профессор Московского университета и ученик Нечкиной (!) – М.Е. Найденов. В одной из своих статей он писал, что Нечкина в исследовании «вообще не упоминает о Ленине. В книге говорится лишь об Ильине, причем ему уделяется всего несколько страничек. Примечателен и тот факт, что Нечкина... рассматривает автора "Развития капитализма в России" как одного из представителей экономического материализма» [20, с. 86]. Нечкина ответила Найденову, но – удивительное дело – согласилась с ним в его критическом отношении к своему труду: «М.Е. Найденов прав в своей отрицательной оценке моей студенческой работы "Русская история в освещении экономического материализма". Но студенческая работа, написанная в 1919-1920 гг., вообще не показатель состояния науки, особенно в тех реальных условиях» [21].

Спустя многие годы Нечкина говорила о своей «Русской истории...»: «Книга не принесла мне признания» [22, с. 49-50]. Она была не права – положительную оценку труду дал С.Ф. Платонов. М.Н. Покровский, встретив Нечкину в ноябре 1923 г. на пороге своего дома, начал разговор такими словами: «Я вас знаю. Вот ваша книга», - и движением руки

указал в сторону книжной полки [27, с. 19-20]. Как видим, первое научное сочинение молодой казанской исследовательницы было востребовано – его читали как видные историки «старой школы», так и крупные историки-марксисты.

Подведем итог. Первая книга Нечкиной – «Русская история в освещении экономического материализма» – это труд высокого научного уровня, в котором высказаны глубокие и верные мысли: о зависимости нового научного направления от предыдущего, о необходимости различать теоретические представления ученого-историка от его методологии. Нечкина проанализировала одно из ключевых направлений отечественной исторической науки своего времени – исторический материализм, и пришла к выводу, что результаты нового направления наиболее существенны в области изучения социально-политической и экономической истории, но незначительны и даже отрицательны – в области изучения явлений духовной жизни. Этот вывод стал основным объектом критики. Рецензенты Дитя-

кин, Линсцер и Невский усмотрели в нем искажение Нечкиной марксизма. Сочинение молодой исследовательницы было предано не критике – осуждению и вычеркнуто из отечественного исторического наследия на долгие семь десятилетий. Под влиянием жесткой критики Нечкина изменила свои представления и в 1925 г. уже сама применила классовый метод к изучению явления сугубо духовного порядка – научного творчества Ключевского. Результаты этого применения были печальны – они не дали ничего, но зато сильно затормозили развитие научно-историографического знания. Прежде плодотворный труд стал бесплодным. Таким образом, попытка Нечкиной предостеречь исследователей от ошибок классового подхода, предпринятая в ее первом научном труде, оказалась напрасной. Альтернативный путь развития отечественного исторического знания, на котором марксизм мог быть критически переосмыслен и сопряжен с предыдущими достижениями исторической мысли, был жестко пресечен.

Список литературы

1. «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Е.Р. Кураповой. М., 2013.
2. Архив РАН. Ф. 1820 (Нечкиной). Оп. 1. Д.254 (Мысли о книгах).
3. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 1, 2.
4. Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1.
5. Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма: (Историографический очерк). Казань, 1922.
6. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.
7. Дитякин В.Т. Пустая ученость. Рец. на кн.: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922 // Казанский библиофил. 1923. № 4.
8. «Очень много дел...». Из «деловых дневников» 1922–1923 гг. академика М.В. Нечкиной / Публ. подг. Е.Р. Курапова // Отечественные архивы. 2004, № 6.
9. Линсцер Г. Несколько слов о критике и критиках (По поводу отзыва Дитякина о книге Нечкиной) // Казанский библиофил. 1923. № 4.
10. Невский В.И. Рец. на кн.: Русская история в освещении экономического материализма // Печать и революция. 1923. Кн. 7.
11. Фирсов Н.Н. Рец. на кн.: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922 // Коммунистический путь. 1923. № 2 (22).
12. Архив РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 5 (Доклад о Ключевском на историографическом семинаре М.Н. Покровского в Институте красной профессуры).
13. «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни». Письма к М.В. Нечкиной. 1923-1927 гг. / Подг. Е.Р. Курапова // Исторический архив. 2007. № 6.
14. Шестаков А.В. М.Н. Покровский – историк-марксист // Историк-марксист. 1928. Т. 9.
15. Степанов Н. Рец. на кн.: М. Цвибак. Рожков – историк. – Ташкент. 1927 // Историк-марксист. 1928. Т. 9.
16. Кривошеина Е. Воинствующий историк-большевик // Комсомольская правда. 1928. 25 окт.

17. Письмо М.В. Нечкиной в редакцию журнала «Историк-марксист» // История в человеке. Академик М.В. Нечкина, М., 2011.
18. Нечкина М.В. Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1929. Т. 11.
19. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 2008.
20. Найденов М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. № 1.
21. Нечкина М.В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2.
22. Ярославцев Я.А. Милица Нечкина. Литературно-психологический очерк. М., 2010.

THE FIRST BOOK BY M.V. NECHKINA: ITS SCIENTIFIC VALUE AND HISTORIOGRAPHICAL DESTINY

The first scientific work of M.V. Nechkina - "Russian history in the coverage of economic materialism" - was published in Kazan in 1922. Since then, almost a century has passed, but during this time it has not become the object of historiographical study. The reason for this – the difficult fate of the book, which immediately after the publication was subjected to crushing criticism, and since then removed from the domestic historical heritage for seven decades. The object of criticism was the conclusion of M.V. Nechkina about the inapplicability of the class method to the study of the phenomena of spiritual (cultural) life. This conclusion was made by Nechkina in the course of an independent multi-difficult study and reflected the contradiction between the primitive narrow-class approach to history and the complex nature of the phenomena of the spiritual order. Nechkina continued the tradition of historiographical study, founded in the late XIX century Milyukov, and at the same time was able to give an objective assessment of the new direction in the national historical science – historical materialism. The article analyzes the conditions for the creation of the first book by Nechkina, the course of its writing, sources and method of research, its place and importance in the scientific literature of the early 1920s, as well as the reaction of critics and the reasons for their sharp assessments.

Keywords: first scientific work, Russian history, economic materialism, M.N. Pokrovsky, N.A. Rozhkov, N.N. Firsov, historiographical method, criticism, class method.

References

1. E.R. Kurapova (2013) «...I muchilas', i rabotala neveroyatno». Dnevnik M.V. Nechkinoj ["...And suffered, and worked incredibly". The Diaries Of M.V. Nechkina]. Moscow.
2. Arhiv RAN. F. 1820 (Nechkinoj). Op. 1. D.254 (Mysli o knigah). [Archives of RAS. F. 1820 (Nechkina). Op. 1. D. 254 (Thoughts on books)].
3. Dnevnik akademika M.V. Nechkinoj [Diary of the academician M.V. Nechkina] // Voprosy istorii [Questions of history] // 2005. No. 1, 2.
4. Milukov P.N. (1897) Glavnye techeniya russkoy istoricheskoy mysli. T. 1 [The main currents of Russian historical thought. Vol.1.]. Moscow.
5. Nechkina M.V. (1922) Russkaya istoriya v osveshchenii ehkonomicheskogo materializma: (Istoriograficheskij ocherk) [Russian history in the coverage of economic materialism: (Historiographical essay)]. Kazan'.
6. Kareev N.I. (1996) Osnovy russkoj sociologii. [Basics of Russian sociology]. SPb.
7. Dityakin V.T. [1923] Pustaya uchenost'. Rec. na kn.: Nechkina M.V. Russkaya istoriya v osveshchenii ehkonomicheskogo materializma. Kazan', 1922 [Empty scholarship. Retz. on kn.: Nechkina, M. V. Russian history in the light of economic materialism. Kazan, 1922] // Kazanskij bibliofil. [Kazan bibliophile]. № 4.
8. E.R. Kurapova (2004) «Ochen' mnogo del...». Iz «delovyh dnevnikov» 1922–1923 gg. akademika M.V. Nechkinoj ["A lot to do..." From "business diaries" 1922-1923 academician M.V. Nechkina] // Otechestvennye arhivy [Domestic archive]. № 6.
9. Linscer G. (1923) Neskol'ko slov o kritike i kritikah (Po povodu otzyva Dityakina o knige Nechkinoj) [Few words about the criticism and critics (about Detkina opinion about the book Nechkina)] // Kazanskij bibliofil [Kazan bibliophile]. No. 4.
10. Nevskij V.I. (1923) Rec. na kn.: Russkaya istoriya v osveshchenii ehkonomicheskogo materializma [Retz. on kN.: Russian history in the coverage of economic materialism] // Pechat' i revolyuciya. [Press and revolution]. Kn. 7.

11. Firsov N.N. (1923) Rec. na kn.: Nechkina M.V. Russkaya istoriya v osveshchenii ehkono-micheskogo materializma. Kazan', 1922 [Retz. on kn.: Nechkina, M. V. Russian history in the light of economic materialism. Kazan, 1922] // Kommunisticheskij put' [Communist way]. No. 2 (22).
12. Arhiv RAN. F. 1820. Op. 1. D. 5 (Doklad o Klyuchevskom na istoriograficheskom seminare M.N. Pokrovskogo v Institute krasnoj professury) [(Report on Klyuchevsky at the historiographical seminar M. N. Pokrovsky At the Institute of red professors)].
13. E.R. Kurapova (2007) «Kak chudno zhit', ponimat' i uchastvovat' v ehtoj zhizni». Pis'ma k M.V. Nechkinoj. 1923-1927 gg. ["How wonderful to live, understand and participate in this life." Letters to M.V. Nechkina. 1923-1927] / Podg. E.R. Kurapova // Istoricheskij arhiv [Historical archive]. No. 6.
14. Shestakov A.V. (1928) M.N. Pokrovskij – istorik-marksist [Pokrovsky-Marxist historian] // Istorik-marksist [The Marxist Historian]. Vol. 9.
15. Stepanov N. (1928) Rec. na kn.: M. Cvibak. Rozhkov – istorik. Tashkent. 1927 [Rec. on kn.: M. Zwiback. Rozhkov-historian. Tashkent. 1927] // Istorik-marksist [The Historian-Marxist]. Vol. 9.
16. Krivosheina E. (1928) Voinstvuyushchij istorik-bol'shevik [Militant historian-Bolshevik] // Komsomol'skaya pravda [Komsomolskaya Pravda]. 25 okt.
17. Pis'mo M.V. Nechkinoj v redakciyu zhurnala «Istorik-marksist» [M.V. Nechkina's letter to the editorial office of the journal "Marxist Historian"] // Istoriya v cheloveke. Akademik M.V. Nechkina [History in man. The Academician M.V. Nechkina]. M., 2011.
18. Nechkina M.V. (1929) Pis'mo v redakciyu [Letter to the editor] // Istorik-marksist [The Historian-Marxist]. Vol. 11.
19. Rubinshtejn N.L. (2008) Russkaya istoriografiya [Russian historiography]. M.
20. Najdenov M.E. (1961) Problemy periodizacii sovetskoj istoricheskoy nauki [Problems of periodization of the Soviet historical science] // Istoriya SSSR [History of the USSR]. No. 1.
21. Nechkina M.V. (1962) K itogam diskussii o periodizacii istorii sovetskoj istoricheskoy nauki [To the results of the discussion on the periodization of the history of Soviet historical science] // Istoriya SSSR [History of the USSR]. No. 2.
22. Yaroslavcev Y.A. (2010) Milica Nechkina. Literaturno-psihologicheskij ocherk [Militsa Nechkina. Literary and psychological essay]. Moscow

Об авторе

Исмаилова Зулейха Адил-кызы – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – post-graduate student of Bryansk State University named after academician Petrovsky, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru